

ли, а новые ещё находятся в стадии формирования. Люди в таких условиях не защищены, и проблема их выживания и развития, особенно в духовно-нравственном плане, становится более острой, чем была до начала перестройки и развала СССР. Как показывает жизнь, до идеального устройства ещё далеко, и народ иногда сожалеет о старых «добрых» временах, когда была стабильность и были живы идеалы.

И. Е. Иванова

К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРА

The author of the article attempts to analyze Dina Rubina's collection of short stories «Ich bin nervoso» in the context of writer's speculations on the problem of national identity. In particular it is remarked that Dina Rubina is one of those Jew Russian-language writers who don't deny their genetic connections with Russian culture and literature, but insist on acquiring their own culture which results in evident and latent contradictions of the writer's self-consciousness who seeks to make a somewhat literary canon, which presupposes the pertaining to the integral Jewish culture, but adopts Russian literature experience.

Key words: national and cultural identity, national and creative self-identity, Jewish literature.

Осмысление национальной специфики, самоидентификация автора – одна из вечных творческих проблем. Поиски типологической принадлежности к определённому виду культуры особенно характерны для литератур, отмеченных «двойным» самосознанием автора.

На примере творчества Дины Рубиной – известной российской и израильской писательницы – мы поставили своей задачей проследить процессы «вживания» в израильскую действительность, культурную парадигму, равно как и процессы зависимости от русской культуры.

В предисловии к русскому изданию книги «Современный еврейский литературный канон: Путешествие по языкам и странам» исследовательница Р. Вайс в качестве спорного момента своей концепции отмечает следующее: «Данная книга проводит две, очевидным образом противоречащие одна другой идеи. С одной стороны, я утверждаю, что единая современная еврейская литература включает произведения, написанные на еврейских и нееврейских языках, а с другой – что литературный гений несёт на себе глубокое влияние языка творчества, если вообще не определяется им целиком»¹.

¹ Вайс Р. Современный еврейский литературный канон: Путешествие по языкам и странам. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2008. С. 8.

На наш взгляд, обозначенная концепция лишена практического противоречия, т.к. творческое сознание еврейских авторов, пишущих на русском языке, действительно отмечено глубоким разрывом с культурными корнями и одновременно возвращением к корням¹. И в этом контексте творчество Дины Рубиной можно рассматривать как весьма показательное. Творческий еврейский интеллигент, по мысли Исаака Дойчера, «находя еврейство слишком тесным, архаическим, слишком сдавливающим <...> так или иначе обладает еврейским наследием, живя на грани между нацией и религией <...> способен лучше постигнуть современные движения и противоречия природы и общества»². Для Рубиной «возвращение к корням обозначало не возвращение к религии, не осознание и принятие априорного права евреев на культурную автономию»³, а прежде всего движение к постижению культуры, истории и современности. Не случайно первые произведения писательницы, опубликованные в Израиле (прежде всего это роман «Во вратах твоих»), посвящены событиям войны в Персидском заливе. Пытаясь определить своё место в культуре и литературе Израиля, Д. Рубина по-своему решает сложную задачу тройного синтеза: оставаясь в рамках русской литературной традиции, быть еврейской и одновременно израильской писательницей. Возврат к еврейству осознаётся ею как естественный, но очень непростой процесс.

Весьма показательным кажется нам тот факт, что сборник «... Их бин нервосо!» писательница открывает рассказом «Я – офеня». В этом рассказе писательница настойчиво проводит мысль о своём странничестве как о способе мировосприятия: «В своих каторжных путешествиях веду жизнь переносной кладки. Незнакомые добрые люди встречают меня в пункте А, снимают с самолёта, везут к себе, кормят <...> затем, надев чистую блузку и концертный пиджак, я предстаю перед свежей публикой»⁴. Вынужденное путешествие (Я – офеня, и потому должна рекламировать и расхваливать свой товар) сродни вечному странничеству её народа. Из этого неизбежного движения писательница извлекает творческие уроки, «писательский навар»: «Когда – бродячий трубадур – я натыкаюсь в странствиях на “свой” персонаж, я испытываю к нему нежность людоеда, почти любовь, почти страсть» (25). Рассуждая о специфичности еврейского творчества, Гарольд Блум рассматривает его как «синекдоху всех метаморфоз еврейского изгнания на достижение

¹ См. об этом: Кацис Л. Ф. Еврейские эпизоды в «Апелесовой черте» и эпистолярный Б. Пастернака // Вестник Еврейского университета. М.; Иерусалим. 2006. № 11. С. 152.

² Deutcher I. The Non-Jewish Jew and Other Essays. New York: Oxford University Press, 1968. P. 26.

³ Вайс Р. Современный еврейский литературный канон. С. 34.

⁴ Рубина Д. «... Их бин нервосо!» М.: Эксмо, 2007. С. 22. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера страницы в скобках.

успеха», когда «странствующий народ преподаёт себе и другим урок смысла странствия»¹.

В творческом сознании Д. Рубиной естественным образом уживаются отказ от «фундаментальных мировоззренческих канатов» (29) и естественное стремление разделить странническую участь своего народа («может, недаром я – офеня?»), которая даёт ей творческий толчок к постижению различных способов интерпретации действительности.

Этнокультурная самоидентификация автора, по классическому определению Ю. М. Лотмана, заключается прежде всего в идее причастности к определённой культуре, когда «своя культура рассматривается как единственная»². Применить этот классический тезис к культурологической модели современной израильской многоязычной литературы вряд ли возможно. Произведения, написанные на разных языках, могут быть интерпретированы как свидетельство о разных путях, которыми идёт в сознании авторов возврат к еврейству. Процесс включения в свою «новую» и в то же время «старую» культуру для Рубиной происходит прежде всего на уровне усвоения языка предков и отказа от ставшего родным русского языка. Осознавая себя в литературе новой генерации, Дина Рубина стремится сформировать в своём творческом сознании некий русско-еврейский литературный канон, который можно было бы условно обозначить как светский культурно гетерогенный феномен. Писательница декларирует невозможность и нежелание полностью отказаться от русского языка, от русской литературной традиции: «Существование литератора в стихии другого языка <...> это постоянное ежедневное обозначение себя неким отдельным организмом, который живёт с двойной нагрузкой: ведь мозг фиксирует звучание иноязыка на фоне постоянно звучащего в тебе плотного потока родного языка – утомительные вериги... Свой день начинаю с ежедневной “зарядки”: несколько страниц Бунина, или Набокова, или Чехова...»³

В рассказе «Под знаком карнавала» Д. Рубина, размышляя о судьбе поколения своих детей, в качестве самой не удовлетворяющей её черты этого поколения отмечает утрату генетических связей с русской культурой: «Понятно, что везли их сюда за: здоровым национальным самоощущением, чувством собственного достоинства, раскованностью, знанием языка предков, традиций, культуры, религии. Но – Боже мой! – не за тем же, чтобы они потеряли наш болезненно любимый, самый – прекрасный – на – свете русский язык!» (37). При этом писательница прекрасно осознаёт, что реальность требует от неё вживания в новый

¹ Bloom H. Introduction, *Musical Variation on Jewish Thought*, by Oliver Revault D'Alionnes. New York: Geroge brariller, 1984. P. 30.

² Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1999. Т. 1. С. 387.

³ Интервью журналу «Вопросы литературы» // Вопросы литературы. 1999. № 5. С. 18.

язык: «Мимо меня течёт густая плотная река жизни на иврите. По необходимости я вступаю в эту реку и осторожно плыву мелкими неуверенными гребками, никогда не заплывая на глубину – боюсь утонуть» (57). Она гордится тем, что её дети «ссорятся на древнееврейском», и боится потерять с ними культурно-родственную связь, потому что в ответ на ту или иную обращённую к ней фразу на иврите она кричит в ответ: «Сомной – только по-русски!» (57). Генетическая привязанность к русскому языку как к родному обуславливает трудное вхождение в иврит. И здесь Героиня Д. Рубиной осознаёт себя частью «болезненных эмигрантских перевоплощений». Для русскоязычного писателя, каким она привыкла себя ощущать, необходимое и важное вхождение в новый язык становится «мучительным надеванием чужого языка», «постепенным переодеванием сознания» (35).

Боязнь окончательного разрыва с русской культурологической моделью в творческом сознании автора уживается с естественным стремлением утвердить себя в рамках еврейской культуры. Прежде всего это проявляется на уровне постижения характера нации, к которой Д. Рубина принадлежит по рождению. Отсюда – такая «плотность заселения» национальными типажам творческого пространства писательницы. Сборник рассказов «...Их бин нервос!» приглашает читателя на своего рода карнавал, где представлены «лица, образы и маски». Изображая невероятные образчики еврейских характеров, Рубина постоянно подчёркивает свою причастность к этому миру, этой культуре. Ей почти несвойственно занимать вненаходимую позицию, когда она рассказывает о своих соотечественниках. Она определяет характерные черты национального характера (библейская «жестоковыйность», непримиримость, противостояние по всем силовым линиям: религиозные, светские, правые – левые...) как «наши», «нам свойственные».

Главная творческая установка автора – продемонстрировать, что «жанр, в котором протекает жизнь этой страны и этого народа, абсолютно совпадает с жанром», в котором она пишет (86). Именно этот тезис становится отправным в процессе национальной самоидентификации Дины Рубиной: она пишет о том, что для неё является родным и потому понятным, как может быть понятным только кровно-близкому человеку. В то же время для автора, ощущающего себя в системе двух культур (она пытается в определённой степени отказаться от идеи дуализма, расширяя свои мировоззренческо-национальные поиски путём включения себя и своих героев в другие системы национальных координат), неизбежна попытка выстраивания диалога о «наших» и «не наших». Характерным с этой точки зрения является название рассказа «Противостояние». И хотя идею рассказа возможно понимать как разговор об одной из отличительных, по мнению автора, черт национального еврейского характера, речь в нём идёт не только и не столько об этом.

В этом рассказе Д. Рубина снимает болезненную для её национального мироощущения оппозицию «русский – еврей». Отказ от анализа этой оппозиции даёт ей право примирить оба начала, заявить о выходе за пределы трагического противостояния. Неожиданно для себя писательница оказывается в глазах окружающих – русской: «Русские, не обижайся, мотэк, – ребята хваткие. Всё схватить успели, ещё в правительство захотят... Наверное, так и надо», – такими словами «приветствует» израильский таксист героиню рассказа «Противостояние» (99). Интересно, что оценочная характеристика «русских» в реплике таксиста полностью совпадает с классическими оценками «еврея» «русскими». Такое ироническое осмысление ставшей классической в сознании многих поколений оппозиции даёт автору право надеяться на возможность синкретического существования двух культур в индивидуальном сознании личности.

Весьма показательным в этом плане представляется нам рассказ «Послесловие к сюжету», одним из героев которого стал некий Петя Черноусов – «человек русский, православный, выпивающий... еврейский поэт, пишущий на идиш» (174). Проживая в Израиле, он прекрасно усвоил не только идиш и иврит, но и еврейский канон. Для самого героя не существует вопроса о национальной принадлежности («Я – гой»), однако окружающие этим вопросом задаются. Применительно к Пете следует получить ответы на два вопроса: является ли он евреем с религиозной точки зрения или в соответствии с литературной традицией. На первую часть вопроса в рассказе ответил «старый человек, по виду – рав из религиозного района Меа-Шеарим»: «Петя пел хазанут – еврейскую литургию. Старик бросил в Петину кепку пять шенкелей и говорит <...>

– Сын мой, – говорит старик, – тебе стоило бы надеть кипу.

На что Петя, тоже на идиш, отвечает:

– Да кипу надеть дело-то нехитрое, только это нечестно, ведь я – гой!

А старик покачал головой и говорит:

– Сын мой, ты не понял. Я сказал надеть кипу, а не снять штаны!» (175).

Со второй частью вопроса всё сложилось вполне очевидно: «...русский человек оказался здесь, в Израиле, ведущим еврейским поэтом, знатоком идишистской культуры. Недавно получил премию Союза писателей за лучший сборник стихов на идиш» (175). Таким образом, почти помимо своей воли Петя Черноусов, который «всегда настаивает на исконном своём вероисповедании», оказывается настоящим евреем в вере и литературе: «Тогда вы, Петя, еврей, – тихо и твёрдо говорю я тоном, каким онколог сообщает пациенту роковой диагноз» (177). Для Дины Рубиной история с Петей – это не просто очередной жизненный анекдот из израильской действительности. Это повод заявить о своей национально-культурной принадлежности, подтвердить, что при всей

зависимости писателя от языка, на котором он пишет и, главное, думает, возможно его причисление к еврейской культуре и еврейской литературе. Для неё очевидно, что одна из задач литературного творчества – передать специфику национальной духовности.

Духовную общность со своей нацией писательница переживает прежде всего через патриотическое чувство, рождённое в том числе предощущением войны: «Из огромной державы, из великой языковой империи, с огромного материка я перебралась в крошечную страну, зажатую не только границами, но и постоянной опасностью... Постоянная, хоть и подспудная трагичность существования – вот что тяготееет здесь над писательским сознанием»¹. Именно это переживание делает для неё невозможным любое отношение к «своим», кроме «горькой любви». В рассказе «Дети» Рубина повествует о новом поколении израильтян, принадлежность к которому её детей не вызывает ни малейшего сомнения. Это поколение, объединённое общей культурой и общей войной: «...люблю наших солдат – это мой маленький личный сантимент. Люблю смотреть, как, обморочно откинув голову и зажав коленями винтовку, они спят в автобусе. Люблю смотреть, как, жуя на ходу Питу и забрасывая тяжёлый баул в багажное отделение, они влетают в переднюю дверь...» (83). В этот момент автор отчётливо понимает, что её дети получили необходимое знание о себе, что ими вопрос о национальной идентичности никогда не будет воспринят как нечто постыдное или трудно разрешимое.

Между тем, для самой Дины Рубиной важно донести и особенно для нееврейского читателя, в чём заключается её личное «освобождение» от российского прошлого. Заявляя, как уже говорилось, о генетической привязанности к языку и культуре русского народа, она не может не обозначить своего стремления к отказу от ассимиляции в рамках русской культуры. Об этом – рассказ «А не здесь вы не можете не ходить?!». В нём Д. Рубина вспоминает о поездке в Россию после семи лет жизни в Израиле («Я, как выяснилось, забыла размеры государства, обалдела от ширины улиц, высоты зданий и деревьев...»; 106). Не обращаясь к детальному анализу сюжета рассказа, отметим только, что в нём со всей очевидностью представлены те глубокие и болезненные противоречия личностного и творческого самосознания, которыми отмечены поиски национальной идентичности человеком, находящимся меж двух культурных миров: «Казалось – проведу рукой по грудной клетке и нащупаю шов, грубый, не зарубцевавшийся, коллоидный безобразный шов на моём, рассечённом надвое, естестве...» (107). Дина Рубина определяет путь, по которому началось её возвращение к «своему» народу, как путь духовного освобождения от вины происхождения: «Так вот, прожив в Израиле несколько лет, ты – в этом смысле –

¹ Интервью журналу «Вопросы литературы». С. 23.

расслабляешься, переводишь внутренние войска, находившиеся в российских пределах в полной боевой готовности, на другие фронта, а окопы эти зарастают бурьяном. <...> Словом, ты вдруг обнаруживаешь, что основательно изменилась. Стала – внутренне – гораздо свободнее, проще, если хотите, – домашнее» (114).

Очевидно, что процесс вживания в новую для писателя литературу предполагает обретение литературной среды, круга общения, писателей-единомышленников. Для Дины Рубиной этот круг естественно включает в себя тех русскоязычных авторов, которые преодолели в жизни и в литературе трудности обретения себя в новой национальной реальности. Предлагая читателям зарисовки об Игоре Губермане, Рубина восхищается его дарованием, отношением к жизни и творчеству: «Абсолютно свободен от тяжких писательских вериг: болезненного самолюбия, тщеславия. <...> Во всём, что касается литературных пристрастий, для него не имеют значения ни мнения авторитетных критиков, ни модные имена» (127). В характере Губермана она особенно выделяет одну черту – внутреннюю свободу, которая позволяет ему иронизировать над еврейством и в то же время понимать его сущность: «Вообще, к парадоксальным чертам еврейского национального характера он относится с философским смирением, с глубинным пониманием истоков, причин и следствий. И, конечно, с присущей его мировоззрению “беспощадностью любви”, которая так шокирует и даже отталкивает людей недалёких» (132). И хотя для русскоязычного читателя, находящегося в контексте русской литературы, значимость литературного таланта Губермана может осознаваться как спорная, для Дины Рубиной его внутренняя свобода становится ведущей чертой личности, которая определяет движение этой личности к самоопределению в жизни и творчестве. Постигание национального канона, по мысли писательницы, не может восприниматься как нечто не подвергаемое критическому осмыслению, и именно в этом она видит залог своего освобождения от национальной предвзятости в творчестве: «И вот живёшь ты “среди своих”, живёшь, живёшь... проходя разнообразные стадии этого процесса – от умиленного припадания к корням и истории, через естественное отталкивание от пороков, от которых несвободен любой народ и, в том числе, твой собственный, через смирение – к горькой домашней любви к тому, что есть...» (254).

Всё сказанное заставляет предположить, что вопросы формирования еврейской культурной идентичности в еврейской литературе на разных языках не имеют однозначных ответов, но интересны широкому кругу читателей.